

УДК 316.722

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-252-261

**ИДЕОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА:
ФОРМИРОВАНИЕ НЕГАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
И ПРАКТИКИ СУБЪЕКТИВАЦИИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ**

**THE IDEOLOGY OF RELIGIOUS-POLITICAL EXTREMISM: THE FORMATION
OF A NEGATIVE IDENTITY AND PRACTICES OF SUBJECTIVATION
IN TERRORIST COMMUNITIES**

**С.В. Резник, В.Н. Медведев, С.С. Почепцов
S.V. Reznik, V.N. Medvedev, S.S. Pocheptsov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: reznik@bsu.edu.ru; 1258271@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru

Аннотация

Проведенный в статье философско-методологический анализ концептов «идентичность», «негативная идентичность» с целью выявления их эвристического потенциала в исследовании актуальных социокультурных проблем (терроризм, экстремизм, фанатизм) позволил выявить механизмы формирования негативной идентичности. Опираясь на определение «практик субъективации» М. Фуко как складывания субъективности, субъекта, проводится философско-антропологический анализ данного понятия в связи с личностным самоопределением человека, выработкой негативных идентичностей и личностных стратегий. Делается вывод, что ограничение проблематики и смыслов экстремизма, терроризма как концепта, понятия и феномена только сферой идеологии, политики и права, подчеркивание связи экстремизма и терроризма с проявлениями кризиса в экономической и политической сфере затрудняют выявление их специфики.

Abstract

The philosophical and methodological analysis of the concepts of "identity", "negative identity" in order to identify their heuristic potential in the study of current socio-cultural problems (terrorism, extremism, fanaticism) revealed the mechanisms of formation of negative identity. Based on the definition of "practices of subjectivation" M. Foucault as folding subjectivity, subject, philosophical and anthropological analysis of this concept in connection with the personal self-determination of man, with the development of negative identities and personal strategies. The article concludes that limiting the problems and meanings of extremism, terrorism as a concept, concept and phenomenon only by the sphere of ideology, politics and law, emphasizing the connection of extremism and terrorism with the manifestations of the crisis in the economic and political sphere, makes it difficult to identify their specificity.

Ключевые слова: идентичность, негативная идентичность, практики субъективации, терроризм, менталитетная сфера, технологии негативных манипуляций, негативная мобилизация, деструктивность, депривация.

Key words: identity, negative identity, practices of subjectivation, terrorism, mentaliteta sphere, technology, negative manipulation, negative mobilization, destructiveness, deprivation.

Проблема идентичности является одной из актуальных проблем современности, поскольку она касается каждого человека. Потребность в обретении идентичности выделена Эрихом Фроммом в качестве одной из базовых потребностей человека. «Современная эпоха, которую нередко определяют, как кризисную, – это время утраты целостности личности. Структура Я стала настолько сложной, человек примеряет на себя столько Я-образов, что сохранить их взаимосвязь в едином комплексе становится чрезвычайно трудно. Антиподом «целостной личности» стала «личность фрагментарная», т.е. такая, различные ипостаси которой входят в конфликт между собой» [Синькевич, 2014, с. 49]. Одним из частых и опасных проявлений кризиса идентичности является формирование «негативной идентичности», которая выражается в форме членства индивида в экстремистской или террористической организации.

Одним из аспектов, актуализирующих проблему идентичности, следует отметить феномен международного терроризма. Идеология террористических организаций попирает общечеловеческие ценности, нивелирует личность человека, лишает смысла все гимнастические идеи. Как отмечает отечественный исследователь О.А. Блинова, «в обретении персональной идентичности можно выделить две противоположные стороны: позитивную и негативную. Позитивная идентичность опирается на деятельностное начало человека и его способность к персональному нарративу. Негативная же опирается на попрание всех норм, их нивелирование посредством агрессии и открытой борьбы. ...одна из причин данного положения дел – кризис идентичности (во всём многообразии её проявлений: национальной, культурной, этнической, но прежде всего, конечно же, личностной) и стремление её обрести посредством негативного опыта отрицания общезначимых ценностей» [Блинова, 2016, с. 26].

Идентичность формируется на основе социальных ценностей, но при отсутствии такой основы происходит разрушение всех связей индивида с его окружением. «Постепенно отрицание достигает своей противоположности – оно само становится ценностью. Обретение персональной идентичности через отрицание, обретение негативной персональной идентичности ведёт к маргинализации либо мутации, одной из которых в данном контексте и является экстремизм. Поэтому можно говорить о том, что склонность к экстремистским взглядам проистекает из поля персональной идентичности и неспособности (или нежелания) обрести её иным способом» [Блинова, 2016, с. 29]. Значит ли это, что человек стремится быть тем, чего от него ожидает его окружение? По меткому выражению основоположника и ведущего теоретика французского персонализма Э. Мунье, «мы – узники нашего тела, нашей семьи, нашего окружения, мы принадлежим тому или иному классу, у нас есть родина, мы живём в определённую эпоху – и всё это мы не выбираем» [Мунье, 1994, с. 27–28]. Получается, что окружение человека оказывает влияние на формирование его личности.

Механизм формирования негативной персональной идентичности имеет непосредственную связь с разрушением личности. «Негативная персональная идентичность характеризует личность по принципу "против кого-то", она обретается "от противного", опираясь на идеалы враждебности, неприятия, агрессивности и противодействия. В результате негативная идентичность упрощает мир, сводя его многомерность и разнообразие до однолинейности, примитивизма и фанатизма, что в действительности трансформируется в экстремизм и терроризм» [Блинова, 2016, с. 30].

Оппозиция социуму осуществляется через обострение классовых, культурных, религиозных, национальных и этнических противоречий в обществе. Последние также могут создаваться искусственно через массовую негативную идентификацию. Таким образом, негативная идентичность может быть определена как технология разрушения общественных и государственных устоев изнутри, развивающаяся в «менталитетной сфере» [Зиновьев, 2006]. Отечественный философ А.А. Зиновьев классифицирует функции менталитетной сферы: «1) разработка, хранение и вбивание в головы людей определенного мировоззрения и определенной системы ценностей (оценок); 2) вовлечение людей в опре-

деленные действия, касающиеся их сознания, принуждение к этим действиям; 3) контроль за мыслями и чувствами людей, и организация их на такой контроль в отношении друг друга» [Зиновьев, 2006, с. 266–267].

Негативная идентичность, например, характерна для большинства эмигрантов из стран Азии, Африки и Ближнего Востока. Эмигранты склонны идентифицировать себя не с тем социальным окружением, в котором они оказались, а со своей родиной. Отсутствие желания и возможностей правительств стран ЕС интегрировать эмигрантов в собственную культуру и систему ценностей приводит к ситуации, когда у самих эмигрантов отсутствуют мотивация и возможности интегрироваться в сложившуюся систему общественных отношений. Болезненно переживаемое эмигрантами чувство изолированности, неприятия со стороны общества, а также отсутствие сил и условий для адаптации, приводит к тому, что недовольство существующим положением дел начинает выражаться в форме протеста. По-прежнему эмигрантская среда в странах Западной Европы остается благодатной почвой для восприятия террористической идеологии.

Итак, сущностной характеристикой феномена негативной идентичности следует назвать принятие обществом (на персональном и на массовом уровнях) навязываемого внешними силами враждебного отвержения собственных культурных ценностей, социальных норм общежития и государственной системы. Специфика негативной идентичности заключается в том, что последняя формирует негативный образ социального окружения, государства и видимость принадлежности к этим внешним силам.

Проведенный философско-методологический анализ концептов «идентичность», «негативная идентичность» с целью выявления их эвристического потенциала в исследовании актуальных социокультурных проблем (терроризм, экстремизм, фанатизм) позволил нам выявить механизмы формирования негативной идентичности. Теперь мы переходим к философско-антропологическому анализу практик субъективации в связи с личностным самоопределением человека, с выработкой негативных идентичностей и личностных стратегий.

В своем исследовании мы опираемся на определение «субъективации» М. Фуко: «процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря – субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания» [Фуко, 2006, с. 284]. Здесь философ обосновывает идею историчности субъекта, показывая, что субъективность человека не задана, но находится в становлении: «суверенного и основополагающего субъекта, универсальной формы субъекта, которую можно найти повсюду, не существует» [Фуко, 2006, с. 301]. В докладе «Что такое автор?» (1969), посвященном центральной теме размышлений М. Фуко – теме «смерти человека», в рамках которой он проводит идею историчности субъекта, им ставится вопрос об условиях и основаниях возникновения субъекта.

При помощи термина «субъективация» М. Фуко описывает процесс становления индивида и влияние, которое оказывает на его становление давление социального окружения. Данная концепция раскрывает процесс становления субъективности. Этот процесс определяется социальной практикой, в которую включен индивид. Результатом становления субъекта является «множественный субъект», внутренне разделенный теми практиками, благодаря которым он самоопределяется и которые определяют его. М. Фуко рассматривает объективацию субъекта, данный способ он называет «разделяющими практиками»: «Либо субъект разделен внутри самого себя, либо разделен другими. Этот процесс превращает его в объект. Такую тенденцию иллюстрирует разделение на безумца и человека в здравом уме, на больного и здорового, на преступника и законопослушного гражданина» [Фуко, 2006, с. 161].

Субъективность может быть рассмотрена как приложение практик власти. Проблема необходимости освобождения от навязанной субъективности была сформулирована М. Фуко следующим образом: «Подводя итоги, скажем, что основная цель этого выступ-

ления – борьба не столько с тем или иным институтом власти, той или иной группой, тем или иным классом, той или иной элитой, – сколько с конкретной техникой или формой власти. Эта форма власти распространяется непосредственно на повседневную жизнь, что классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов. Существует два смысла слова "субъект": субъект, подчиненный другому через контроль и зависимость (*техники господства – прим. автора*), и субъект, связанный с собственной идентичностью благодаря самосознанию или самопознанию (*техники себя – прим. автора*). В обоих случаях это слово имеет в виду форму власти, которая поработывает и угнетает.

Обобщая, можно сказать, что существуют три типа борьбы: те, что противостоят формам господства (этническим, социальным и религиозным); те, что изобличают формы эксплуатации, отделяющие индивида от производимого им; и те, что борются со всем, что привязывает индивида к самому себе и тем самым обеспечивает его подчинение другим (борьба против подчинения, против различных форм субъективности или поработания)... Сегодня же преобладает именно борьба против поработания – против подчинения субъективности» [Фуко, 2006, с. 167–168]. Сам философ различает «практики себя» и «практики субъективации» рассматривая первые как «практики принуждения», вторые же – как «практики свободы».

Иранский ученый, профессор психологии Ф.М. Мохаддам в своей книге ставит следующие вопросы: «Каким образом люди становятся сторонниками морали терроризма? С помощью какого процесса семилетний мальчик, любящий футбол и жизнь, становится убежденным в том, что именно моральные представления о добре и зле, справедливости и неправде позволяют ему надеть пояс смертника и взорвать себя в переполненном людьми ресторане? ...каким образом культы превращают независимых индивидов в абсолютно послушных последователей... и т. д., и т. п.» [Мохаддам, 2011, с. 159].

Ф.М. Мохаддам считает, что «реальные причины исламского терроризма... имеют непосредственное отношение к глобальному кризису идентичности» [Мохаддам, 2011, с. 11]. По мнению автора, особенностью традиционных обществ мусульманского Востока является то, что здесь потребность в индивидуальной идентичности может быть удовлетворена при условии членства в автономных исламских организациях, в том числе террористических группах. Именно поэтому одной из причин терроризма является невозможность развития личностных качеств индивида в традиционных условиях и стремление найти «новую идентичность», которую он обретает, становясь активным участником террористического сообщества.

Социальная действительность имеет множество образцов того, как членство в группе изменяет идентичность, и человек становится более похожим на других членов группы: это конформизм и подчинение. В большинстве ситуаций конформность и подчинение имеют исключительно позитивные (и полезные) последствия – эти процессы позволяют малым и большим организациям более эффективно решать свои задачи.

Агрессия мусульманской молодежи в определенном смысле является ответом на внутренний кризис ислама. Акты агрессии могут проявляться как в действиях открытого характера, так и тайным участием в деятельности террористических организаций. Для преодоления чувства безысходности, в попытке обрести смысл своего существования человек становится адептом идеологии терроризма. В ситуации невозможности изменить социальный порядок терроризм становится средством выражения негативных массовых настроений.

Таким образом приверженцы идеологии терроризма делают мораль террористов частью своей личной идентичности. «В этом смысле вхождение в террористическую группировку аналогично вхождению в религиозную секту или в городскую преступную банду, или даже в конкурирующую спортивную команду. Индивида привлекает принад-

лежность к группе тем, что она ему может дать: удовлетворение потребности в развитии другой, более приемлемой идентичности» [Мохаддам, 2011, с. 160]. Последствиями воздействия салафитской идеологии на сознание человека являются разрушение личности, подмена традиционных религиозных ценностей радикальными установками террористических организаций. Авторитарные лидеры и доминирующие групповые нормы навязывают определенный образ поведения, лишаящий человека права выбора.

Здесь человек сталкивается с проблемой ложной идентичности. Данное явление, не смотря на различные трактовки, есть не только утрата человеком себя, но и страх свободы выбора. Свобода выбора подразумевает готовность брать ответственность за этот выбор. «В отличие от кризиса идентичности, который характеризуется утратой старых моделей Я и поиском новых, ложная идентичность становится одновременно и местом спасения, и тюрьмой. <...> Социальные институты пошатнулись, что отразилось на интенсивности проявления таких феноменов, как национализм и религиозность. В поисках опоры, места, где идентичность того или иного индивида будет принята, человек, сам того не осознавая, становится объектом влияния» [Родин, 2015, с. 133]. Таким образом, «ложная идентичность – это страх перед осознанием своей внутренней свободы, своего истинного Я» [Родин, 2015, с. 143].

Эрих Фромм задается вопросом: «Человек волк или овца?». В террористических сообществах существует определенная структура и организация. Условно членов террористических организаций можно разделить (в терминологии Э. Фромма) на «волков» и «овец»: «Волки хотят убивать, овцы хотят делать то, что им приказывают. Волки заставляют овец убивать и душить, а те поступают так не потому, что это доставляет им радость, а потому, что они хотят подчиняться. Кроме того, чтобы побудить большинство овец действовать, как волки, убийцы должны придумать истории о правоте своего дела, о защите свободы, которая якобы находится в опасности, о мести за детей, заколотых штыками, об изнасилованных женщинах и поруганной чести. Этот ответ звучит убедительно, но и после него остается много сомнений» [Фромм, 1994, с. 17]. По нашему мнению, в данном случае речь идет о практиках принуждения. Таким образом, можно говорить о том, что членство в террористической организации (опять же по терминологии Э. Фромма) есть «бегство от свободы».

Одной из характеристик рядовых членов террористических организаций является инфантилизм, отсутствие критического восприятия реальности, потребность в подчинении авторитету, в человеке, который возьмет на себя ответственность за их деяния. Характерной чертой религиозного поведения террориста является то, что предъявляемые к нему нормы и предписания исполняются им не по его внутреннему убеждению, но по внешнему принуждению. Последствиями внешне принудительного характера религиозного поведения террориста являются безнравственность и безответственность. Террорист верит, что он действует как послушный исполнитель воли Бога или лидера террористической организации, поэтому ответственность за свои действия он перекладывает, в конечном счете, на них. Практически это означает для него полную личную безответственность.

Р. Жирар видит в суицидальном терроризме новое явление как в антропологическом, так и в социальном плане. Новизна заключается, прежде всего, в ряде черт, имеющих явный апокалиптический подтекст, поскольку они носят характер последнего предела. «Суицидальные террористические акты – это чудовищная инверсия архаических жертвоприношений: если в них убивали жертву, чтобы этим спасти других, то здесь террористы убивают себя, чтобы этим убить других. В этом, как никогда, мир наизнанку» [Хоружий, 2018]. В наши дни данные явления приобрели глобальный характер. «На Ближнем Востоке сунниты и шииты практикуют нарастание до предела» [Хоружий, 2018].

В своей работе «Насилие и мессианизм» сербский философ Петар Боянич обращается к проблеме насилия и ее интерпретации в текстах Розенцвейга, Бенямина, Левинаса, Деррида. «Субстантивируя прилагательное "мессианский", Деррида вводит новое слово во французский язык – "мессианственность" (messianicité) с тем, чтобы очистить мессианизм

от всякого следа Мессии, от иудаизма и религии вообще; тем самым он стирает позицию и субъективность того, кто ожидает, взывает и обещает пришествие другого, или Мессии, он преобразует субъективность ожидания в ожидание нейтральное ("ожидание без ожидания", "без горизонта грядущего события"); тогда различные процедуры ослабления и удаления перед лицом другого ("я не жду другого", "я не собираюсь ждать", "это не ожидание", "это ожидание без ожидания") должны гарантировать, что ожидаемое событие действительно последует (другой, гость, Мессия, справедливость, демократия...)» [Боянич, 2018, с. 5–6].

По нашему мнению, «мессианственность», «ожидание без ожидания» Ж. Деррида и «нарастание до предела» Р. Жирара перекликаются. Террорист-смертник убежден, что жертвует своей жизнью ради «великой цели», религиозного идеала. Происходит, своего рода, сакрализация теракта как миссии, возложенной на его исполнителя Богом, то есть действия, выходящего за грань этических категорий добра и зла, свободы и ответственности. Террористическое насилие и мессианские ожидания террористов придают их действиям эсхатологический потенциал. Террорист уверен, что своими действиями он приближает коранические пророчества. Ф.М. Мохаддам отмечает, что основным мотивом действий современных исламских террористов-смертников является отнюдь не материальная выгода, а разрушение и уничтожение врагов.

«Технологии Апокалипсиса» всегда были популярны в различных тоталитарных сектах, поскольку они являются удобным способом произвести впечатление на массы, привлечь к себе внимание, умножить число последователей своего учения. Очевидно, что заявления о приближении «конца времен» далеко не безобидны. История тоталитарных культов 2-ой половины XX – начала XXI вв. упрямо свидетельствует, что за «апокалиптическими угрозами» следуют трагические последствия. Технический потенциал современных террористических организаций позволяет им «смоделировать» настоящий Апокалипсис. Феномен «живых бомб» заставляет задуматься о мотивах суицида террористов-смертников.

Причины, толкающие к такому поведению многообразны: от подсознательного инфантильного стремления уйти от ответственности до способа разрешения неразрешенных проблем, в любом случае здесь используются технологии *негативных манипуляций* человеком. «Основные исследовательские парадигмы в осмыслении феномена терроризма показали, что адекватное понимание этого сложного феномена возможно через указание на его суть как на одну из превращенных, иррациональных форм полагания насилия, следствием которой является страх и ниспровержение всяческих аксиологических иерархий. Целью такого насилия можно считать контроль над жизнью человека и человеческих общностей (биополитика) как установление политического господства и власти в широком смысле. Диспозиция и практики терроризма в настоящее время не ограничиваются противостоянием государства и его оппонентов и включают в себя конкретных людей, сообщества, культуры и государства. ...современный терроризм представляет собой качественно новое явление, когда террористическое насилие осуществляется не на уровне национальных государств и поддерживаемых ими властных групп, а в плоскости столкновения сообществ и индивидов с государствами, культурами, нациями и цивилизациями» [Артюх, 2013, с. 8–9].

Ф.М. Мохаддам поэтапно раскрывает процесс формирования террористов. Для этого автор использует метафору «**лестница терроризма**». Первый этап «лестницы терроризма» можно охарактеризовать появлением «**относительной депривации**» – «субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение "ценностных ожиданий" (т.е. благ и условий жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и "ценностных возможностей" (т.е. тех благ и условий жизни, которые люди, по их представлению, могут получить в реальности)» [Климов, 2007]. Второй этап – появление **абсолютной депривации** – «невозможность для индивида или социальной группы удовлетворять свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным матери-

альным благам и социальным ресурсам: продуктам питания, жилищу, медицине, образованию и т.д.» [Климов, 2007]. Третий этап – поиски виновника в сложившейся ситуации. Четвертый этап – формирование идеологии терроризма (террористического сознания). Пятый этап – принятие индивидом решения вступить в террористическую организацию.

По нашему мнению, здесь проявляются признаки «негативной мобилизации». Данное понятие было введено в научный оборот Л.Б. Гудковым, он определяет его, как «феномены быстрого роста диффузного массового раздражения, страха, ненависти, сопровождаемых чувствами общности или близости друг другу членов сообщества, возникающие при появлении врага или врагов, при перспективах крайне нежелательного развития событий, чреватого утратой привычного образа жизни, престижа, авторитета, доходов, статуса, девальвацией групповых ценностей и т.п.» [Гудков, 2005, с. 46].

По нашему мнению, эти механизмы «негативной» интеграции объясняют процесс становления личности террориста на начальных этапах «лестницы терроризма». «Речь идет не просто об экономическом ухудшении материального положения или острой политической коллизии, а о социальном кризисе, сопровождающемся состоянием дезориентированности, непонятности, упорного неприятия происходящего. Здесь гораздо важнее – утрата перспективы, надежд на улучшение жизни, общая неопределенность ситуации, выходящая за рамки хронического неполного доверия политикам и институтам. Это – недовольство своей жизнью при сознании невозможности что-либо изменить, ощущение безвыходности» [Гудков, 2005, с. 47].

Как отмечает Ф.М. Мохаддам, второй и третий уровни «лестницы терроризма» характеризуются тем, что здесь не действуют механизмы торможения агрессии у членов террористических организаций. Экстремисты делят мир на «черное» и «белое». Четвертый и пятый уровни «лестницы терроризма» характеризуются усилением влияния на индивида со стороны террористической организации и подчинения его своему полному контролю: «когда террорист достигает четвертого или более высоких этажей лестницы терроризма, у него или нее остается мало возможностей спуститься по этой лестнице обратно. Это происходит потому, что на более высоких этажах влияние социального контекста настолько сильно и "подталкивание" на вершину лестницы настолько мощно, что индивидуальное движение вниз становится крайне проблематичным и маловероятным» [Мохаддам, с. 85]. Адепт террористической идеологии психологически принимает идентичность террориста. Мышление террориста строится по принципу «кто не с нами, тот против нас». Адепты идеологии терроризма убеждены в порочности и несправедливости мира и в том, что на них возложена «миссия» его насильственного очищения от пороков. Итак, мифологизированное сознание членов террористических организаций ориентировано на легализацию насилия, террора и радикальных квазирелигиозных ценностей.

«Кто эти люди, которые карабкаются по лестнице терроризма? Не являются ли они маньяками? Возмутителями спокойствия? Необразованными или очень бедными людьми? Отличаются ли они психологически от других? Ответ на эти вопросы в основном заключается в том, что люди, покидающие базовый уровень и переходящие на первый этаж лестницы терроризма, являются нормальными людьми, такими же, как вы и я. В финансовом отношении они не являются бедными, у них нет недостатка в образовании, они не страдают психопатологическими отклонениями. Нет ничего, что отличало бы их психологически от других» [Мохаддам, 2011, с. 109] – пишет Ф.М. Мохаддам.

Автор отмечает, что «террористами не рождаются, а становятся. Терроризм возникает из социальных условий, а не из индивидуальных характеристик человека. Однако было бы слишком упрощенным интерпретировать "социальные условия" в чисто материальном плане. Наиболее важным аспектом в социальных условиях является то, как люди отвечают на основные вопросы, относящиеся к их идентичности как личностной, так и коллективной» [Мохаддам, 2011, с. 87].

Ф.М. Мохаддам начинает свое исследование основ терроризма с рассмотрения условий коллективной жизни на первом (базовом) уровне «лестницы терроризма», по-

скольку именно на нем остается подавляющее большинство людей, даже в случае крайней неудовлетворенности несправедливостью и притеснениями. По мнению автора, на базовом уровне «лестницы терроризма» находятся сотни миллионов людей, на нем они формируют свою идентичность как личностную, так и коллективную.

О присутствии разрушительного начала в природе человека писали такие философы и психологи, как И. Кант, З. Фрейд, Э. Берн, Э. Фромм и др. Особый интерес для нас представляет работа Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» [Фромм]. Э. Фромм указывает, что необходимо «различать биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни, доброкачественную от злокачественной агрессии, не связанной с сохранением жизни. ... Биологически неадаптивная, злокачественная агрессивность (т. е. деструктивность и жестокость) вовсе не является защитой от нападения или угрозы; она не заложена в филогенезе; она является спецификой только человека; она приносит биологический вред и социальное разрушение. Главные ее проявления – убийство и жестокие истязания – не имеют никакой иной цели, кроме получения удовольствия. Причем эти действия наносят вред не только жертве, но и самому агрессору. В основе злокачественной агрессивности не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека» [Фромм, 1992, с. 163–164].

Одна из причин возникновения деструктивности, согласно Э. Фромму, – неспособность человека созидать, ощущение изолированности и никчемности и «единственный способ заглушить это невыносимое чувство... – самоутвердиться любой ценой, хотя бы ценой варварского разрушения жизни» [Фромм, 1992, с. 316]. Следовательно, **деструкция** есть своего рода попытка самоутвердиться, доказать свою значимость («практики признания» в терминологии М. Фуко).

Согласно концепции Э. Фромма, деструктивность является одним из способов «бегства от свободы», которое является попыткой преодолеть чувство неполноценности. В стремлении к этой цели человек готов подчинять и убивать тех, кто препятствует ее достижению. Следует отметить, что концепция Э. Фромма, при всей ее важности для нашего исследования, оставляет за рамками рассмотрения ряд проявлений деструктивности, в том числе аутодеструкцию и терроризм.

Отечественный исследователь Лысак И.В. дает следующее определение понятию **деструктивной деятельности человека**: «специфическая форма активного отношения субъекта к миру или самому себе, основным содержанием которой является разрушение существующих объектов и систем» [Лысак, 2004, с. 11]. Автор отмечает обусловленность направленности деструкции (на самого себя или вовне) социокультурными, психическими факторами и особенностями нервной системы человека. Деструкция, направленная на себя, или **аутодеструкция** – это аномальное состояние личности, которое выражается в стремлении индивида к саморазрушению (например, самоубийство). К числу наиболее распространенных видов **деструкции, направленной вовне**, относятся: массовые убийства, террористический акт, революцию, государственный переворот, вандализм.

Кроме того, как отмечает Лысак И.В., деструкция «может являться **конечной целью деятельности человека**» [Лысак, 2004, с. 54]. Автор приводит в качестве примера такого явления организацию «Народная расправа», созданную в 1869 г. С.Г. Нечаевым. Деструкция была провозглашена ее основателем целью данной организации. На наш взгляд, те же цели имеют современные террористические организации.

Итак, проведенный нами философско-антропологический анализ практик субъективации в связи с личностным самоопределением человека и выработкой негативных идентичностей в террористических сообществах позволил нам сделать вывод о том, что механизм формирования негативной идентичности имеет непосредственную связь с проявлениями кризиса обретения идентичности. Ярким проявлением «негативной идентичности» являются экстремизм и терроризм. Таким образом, ограничение проблематики и смыслов экстремизма, терроризма как концепта, понятия и феномена только сферой идео-

логии, политики и права, подчеркивание связи экстремизма и терроризма с проявлениями кризиса в экономической и политической сфере затрудняют выявление их специфики.

Философская концепция М. Фуко является проектом освобождения от навязанной субъективности. Даже не подвергаясь прямому принуждению, индивид не становится свободным. Причиной этому являются определенные практики, применяемые индивидом к самому себе. Эти практики и определяют самость индивида, однако содержание последней задается не им самим, а извне. Практики субъективации есть «бегство от свободы». Концепция «практик субъективации» М. Фуко позволяет понять эффективность технологических негативных манипуляций.

Список литературы

References

1. Артюх А.В. 2013. Феномены насилия и терроризма в культуре: философско-антропологический контекст взаимоположения: Автореф... дис. кан. филос. наук. – Белгород: 23 с.
Artyukh A.V. 2013. Fenomeny nasiliya i terrorizma v kul'ture: filosofsko-antropologicheskij kontekst vzaimopolaganiya [Phenomena of violence and terrorism in culture: the philosophical and anthropological context of mutual position]: Avtoref... dis. kan. fil. nauk. – Belgorod: 23 p.
2. Боянич, Петар. 2018. Насилие и мессианизм. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 234 с.
Boyanich, Petar. 2018. Nasiliye i messianizm [Violence and Messianism]. – Yekaterinburg; Moskva: Kabinetnyy uchenyy, 234 p.
3. Блинова О.А. 2009. Персональная идентичность в контексте отношения «Я - Другой»: Автореф... дис. кан. филос. наук. – Челябинск: 22 с.
Blinova O.A. 2009. Personal'naya identichnost' v kontekste otnosheniya «YA - Drugoy» [Personal identity in the context of the relationship "I - Other"]: Avtoref... dis. kan. fil. nauk. – Chelyabinsk: 22 p.
4. Блинова О.А. 2016. Экстремизм как результат обретения негативной персональной идентичности. Вестник Челябинского государственного университета. № 5 (387). Философские науки. Вып. 40. С. 25-32.
Blinova O.A. 2016. Ekstremizm kak rezul'tat obreteniya negativnoy personal'noy identichnosti [Extremism as a result of acquiring a negative personal identity]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 5 (387). Filosofskiye nauki. Vyp. 40. P. 25-32.
5. Гудков Л.Б. 2005. Феномен негативной мобилизации. Общественные науки и современность. № 6. С. 46-53.
Gudkov L.B. 2005. Fenomen negativnoy mobilizatsii [The phenomenon of negative mobilization]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. № 6. P. 46-53.
6. Зиновьев, А.А. 2006. Фактор понимания. – М.: Алгоритм, Эксмо, 528 с.
Zinov'yev, A.A. 2006. Faktor ponimaniya [The factor of understanding]. – M.: Algoritm, Eksmo, 528 p.
7. Климов И.А. 2007. Депривация. В кн.: Большая советская энциклопедия. Т.8. М.: БРЭ, Klimov I.A. 2007. Deprivatsiya. [Deprivation]. V kn: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya T.8 [Great Soviet Encyclopedia. Vol. 8]. M.: BRE.
8. Лысак И.В. 2004. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ, 160 с.
Lysak I.V. 2004. Filosofsko-antropologicheskij analiz destruktivnoy deya-tel'nosti sovremennogo cheloveka [Philosophical-anthropological analysis of the destructive activities of modern man]. Rostov-na-Donu – Taganrog: Izd-vo SKNTS VSH, Izd-vo TRTU, 160 p.
9. Мохаддам, Фатали М. 2011. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают, и почему обращаются к насилию. Москва: Форум, 286 с.
Mokhaddam, Fatali M. 2011. Terrorizm s tochki zreniya terroristov: chto oni pe-rezhivayut i dumayut, i pochemu obrashchayutsya k nasiliyu [Terrorism from the point of view of terrorists: what they stop and think, and why they turn to violence]. Moskva: Forum, 286 p.
10. Мунье, Э. 1994. Что такое персонализм? М.: Изд-во гуманитар. лит. 128 с.
Mun'ye, E. 1994. Chto takoye personalizm? [What is personalism?] M.: Izd-vo gumanitar. lit. 128 p.

11. Родин К. 2015. Дивидуум как антропологический персонаж. Философская антропология. Т. 1. № 2. С. 119-145.
Rodin K. 2015. Dividuum kak antropologicheskii personazh [The individual as an anthropological character]. *Filosofskaya antropologiya*. Vol. 1. № 2. P. 119-145.
12. Синькевич, О.Б. 2014. Парадоксы персональной идентичности: современный контекст. Философия и социальные науки. № 3. С. 48-52.
Sin'kevich, O.B. 2014. Paradoksy personal'noy identichnosti: sovremennyy kontekst [Paradoxes of personal identity: a modern context]. *Filosofiya i sotsial'nyye nauki*. № 3. P. 48-52.
13. Фромм Э. 1992. Душа человека. М.: Республика, 430 с.
Fromm E. 1992. *Dusha cheloveka* [The Soul of Man]. M.: Respublika, 430 p.
14. Фромм Э. 1994. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 447 с.
Fromm E. 1994. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. M.: Respublika, 447 p.
15. Фуко, М. 2006. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., Праксис: 320 с.
Fuko, M. 2006. *Intellectually i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vy-stupleniya i interv'yu* Ч. 3. [Intellectuals and power: Selected political articles, reports and interviews]. M., Praksis: 320 p.
16. Хоружий С.С. 2018. Современность и эсхатология: Рене Жирар и парадигма спасения в последний миг. Вопросы философии. № 6. С. 111-120.
Khoruzhiy S.S. 2018. *Sovremennost' i eskhatologiya: Rene Zhirar i paradigma spaseniya v posledniy mig* [Modernity and eschatology: René Girard and the last minute salvation paradigm]. *Voprosy filosofii*. № 6. P. 111-120.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Резник С.В., Медведев В.Н., Почепцов С.С. 2019. Идеология религиозно-политического экстремизма: формирование негативной идентичности и практики субъективации в террористических сообществах. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 252–261. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-252-261
Reznik S.V., Medvedev V.N., Pocheptsov S.S. 2019. The ideology of religious-political extremism: the formation of a negative identity and practices of subjectivation in terrorist communities. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries*. 44 (2): 252–261 (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-252-261